

Что это за взгляд?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Юн Ци, помрачнев. Он выглядел сбитым с толку.

— По-моему, я ясно выразился, — сказал Юн Шань и небрежно добавил: — Оглянись. Что это за место? Тюремная камера, в которой царит крошечная тьма. Ты, Юн Ци, сейчас в моих руках, понимаешь? — И с этими словами Юн Шань, отряхнув край своего роскошного расшитого золотом халата, медленно поднялся с места.

Юн Ци невольно сделал шаг назад. Его лицо побледнело, пусть он и старался сохранить свой облик непоколебимым.

— Отступаешь. — На лице Юн Шаня появилась лёгкая усмешка. — Отступи ещё — и упрёшься в стену, — сказал он, приподняв подбородок, — а там снова отступи — и окажешься в углу. Отступай.

Шаг за шагом он настигал Юн Ци. Юн Ци же, невзирая на слова Юн Шаня, попятился. Он сделал шаг, затем ещё один.

В глубине иссиня-чёрных глаз вспыхнул ужас, который не проявился на красивом лице. Стараясь не показывать охватившего его страха, он посмотрел на Юн Шаня и, вновь отступив назад, предупреждающе заговорил:

— Юн Шань, хоть это и Дворец Наказаний, но всё же он тоже является императорским дворцом, в котором есть правила, и здесь нельзя шуметь без причины.

— Тогда кричи, я не сдерживаю тебя. Кричи, — не придавая этому огромного значения, сказал Юн Шань и холодно усмехнулся. — Что-то я не слышу твоих громких криков, старший брат. Думаешь, нарушение мнимых правил так страшит меня?

Он неторопливо наступал, загоня Юн Ци в угол. Настигнув брата, Юн Шань не спешил приступать к своему замыслу. Он смотрел на принца взглядом льва на беспомощную лань. Упрямое и беспомощное тело было очень соблазнительным, и бледность лица не могла скрыть страха перед неизбежным. Каким бы сильным ни воспитывали Юн Ци, грозный вид младшего брата заставил его мелко задрожать.

Юн Шань свободно протянул руку к загнанному в угол Юн Ци, у которого руки всё ещё были связаны сзади и который никак не мог избавиться от мягких, но таких крепких оков. Наблюдая за приближающимися дьявольскими когтями Юн Шаня, он отчаянно хотел спрятаться, укрыться от них, но они всё равно настигли его.

Внезапно его схватили за подбородок, и холодные, словно лёд, пальцы коснулись его кожи.

— Смотри, тебе больше негде спрятаться, — с насмешкой прошептал Юн Шань, не сводя с него замороженного взгляда.

Юн Ци резко отвернулся, высвобождая свой подбородок из пальцев Юн Шаня. Тот даже затаил дыхание. Загнанный в угол брат заставлял его сердце чаще забиться в груди. Беспокойно вздымающаяся грудь, поднималась то вверх, то вниз, и его встревоженный взгляд... Всё это очаровывало. Юн Шань никогда не видел ничего более прекрасного.

Все эти шестнадцать лет Юн Ци нарочно держался на расстоянии, относясь к нему не

холодно, но и не тепло. Равнодушно. Юн Шань словно и не был ему братом вовсе. Так, дальний родственник, не более. Но сейчас, когда Юн Ци был загнан в угол, ему уже нельзя было скрыться от него. Он в его руках.

— У дракона рождается девять сыновей, и все они разные по виду и характеру. Действительно, хоть мы и братья, но такие разные. — Юн Шань поглядел на загнанную в угол жертву, хищно улыбаясь. — Если бы сегодняшнее произошло с Юн Линем, он бы без лишних слов бросился в драку и мог спокойно убить, выкрикивая проклятия. Если бы это произошло со мной, я бы держал бы себя в руках и лишь спокойно сломал бы пальцы тому, кто меня попытался тронуть. Но ты... — Юн Шань сделал паузу, и его улыбка превратилась в оскал. — Ты остаёшься непреклонным и гордым. — Его глаза неожиданно заблестели.

И тут Юн Ци кое-что понял. Отступив чуть-чуть в сторону, он попытался протиснуться в небольшой промежуток между рукой Юн Шаня и стеной, стараясь вырваться. Но Юн Шань быстро отреагировал, и его пальцы железной хваткой сжались на руке Юн Ци.

— Отпусти! — выпалил Юн Ци, заливаясь румянцем. Он забился в хватке мужчины, но все его попытки вырваться отозвались резкой болью в руке. Крепко держа брата, Юн Шань грубо выволок его из угла.

Проходя мимо стола, он взял три мотка красной эластичной верёвки, оставленной Чжан Чэнем, и, подтащив спотыкающегося Юн Ци к краю кровати, одним махом швырнул его на неё.

— Юн Шань, ты... Что ты хочешь сделать?

Заметив, что Юн Шань продевает верёвку сквозь ту, что сдавливала его запястья, и собирается продеть её в висящее над головой медное кольцо, Юн Ци ещё раз дернул руками, чувствуя нарастающую тревогу.

— Отпусти! Отпусти меня! Ты что, с ума сошёл?!

Привычка ценить культуру превыше военного дела сейчас оказалась роковой, так как Юн Шань одной рукой легко остановил его попытки сопротивляться.

После того, как верёвка, что крепилась к завязанным за спиной рукам Юн Ци, была продета в медное кольцо, Юн Шань взял ещё две верёвки и, поместив их справа и слева, привязал к тонким лодыжкам. Концы же он продел в другие кольца, что висели на одном расстоянии друг от друга.

Вскоре этот простой комплект верёвок крепко держал хрупкое тело принца. У Юн Ци не было возможности вырваться или хотя бы ослабить эти путы — Юн Шань очень давно всё это спланировал, чтобы теперь его план можно было так спокойно привести в негодность.

— Нет...

С помощью этих мягко сжимающих, но невероятно крепких верёвок Юн Шань управлял Юн Ци, как марионеткой.

Потянув с силой верёвки, младшему брату наконец-то удалось раздвинуть ноги Юн Ци, несмотря на всё его сопротивление. Юн Шань остановился и, прочно закрепив верёвки, взялся за подол халата принца, небрежно задрал ткань до талии, его острому взгляду открылись белые шёлковые нижние штаны.

Обязанные верёвками, бёдра были разведены в стороны, и как бы Юн Ци ни старался, у него не получалось снова свести их вместе. И пусть даже его прикрывал слой ткани, от такого пристального взгляда Юн Ци всё равно было ужасно стыдно. Он был воспитан в совершенно иных реалиях, и теперь, оказавшись в шкуре заключённого, он не мог поверить в реальность происходящего.

— Юн Шань, ты... Ты... — запинаясь, шептал Юн Ци, не зная, злиться ему или паниковать.
— Отпусти меня!

Но Юн Шань ответил лишь тем, что с преспокойным видом сильнее затянул верёвки, ещё шире раздвигая его ноги. Под белоснежно-шёлковой тканью, что прикрывала низ, можно было увидеть напрягшиеся мышцы, особенно на внутренней стороне бедра. Юн Ци всё ещё пытался свести ноги вместе, несмотря на тщетность своих попыток.

— Хочешь, чтобы я тебя отпустил? — спросил Юн Шань, сильнее натягивая другую верёвку. Связанные за спиной запястья постоянно поднимались вверх.

Из-за разведённых в сторону ног тело слегка теряло равновесие и не могло держаться ровно, по мере того, как Юн Шань постепенно натягивал верёвку, положение потихоньку становилось устойчивым, так как вся поддерживающая сила перешла на запястья. Это напоминало ему одну пытку, которая была вписана в законодательстве под названием «опалённые крылья феникса», только в несколько изменённой форме. И хотя она не являлась жёсткой, но её хватило, чтобы избалованного Юн Ци бросило в холодный пот.

Прекрасный силуэт был окутан настоящей паникой.

Глядя на его стиснутые зубы и на сдерживаемые слёзы, Юн Шань наконец-то разжал пальцы, слегка ослабив хватку. Высокомерно поглядев на брата, он с лёгкой улыбкой спросил:

— Ты действительно хочешь, чтобы я отпустил тебя?

— Отпусти! — грозно посмотрел Юн Ци на брата, который подметил, как заалели бледные скулы.

Измученные болью запястья дрожали, словно были сломлены той силой, что обрушилась на них.

— Ты... Ты... В конце-то концов, чего же ты хочешь?

— Ты ещё не догадался, чего я хочу? — Юн Шань не знал, смеяться ему, удивляться или вовсе злиться. Ведь даже сейчас, когда Юн Ци связан и находится в его руках, он мало того, что продолжает обманывать себя, так ещё осмеливается притворяться, что ничего не понимает.

Юн Шаню удалось усмирить свой гнев, что медленно охватывал его душу, но ему не удалось скрыть лёгкое безумие, плещущее в бездонных глазах. Неспешно сжав подбородок своей жертвы, его пальцы бесцеремонно скользнули по лбу, шее, ключицам...

— Я хочу почувствовать запах твоих волос, я хочу целовать твою шею...

Юн Ци вздрогнул. Думая о том, как бы высвободиться из этих мягких оков, он отчаянно сопротивлялся, но всё, что у него получилось в ходе тщетной борьбы — это повредить себе запястья.

Юн Шань откровенно наслаждался его беспомощным сопротивлением. Улыбнувшись, он снова схватил его за подбородок, чуть приподнял его и, коснувшись алых губ подушечками пальцев, заскользил по ним, пока те не покраснели и не припухли.

— Я хочу обхватить твою талию...

Кончиками пальцев он проник под одежду и слегка огладил чувственную талию. Юн Ци бросило в холодный пот.

— Юн Шань, не надо, — взмолился он, подняв глаза на принца. — Я прошу тебя, не надо, я не хочу!

— Ты правда не хочешь или просто не хочешь меня? — Юн Шань улыбнулся уголками губ, но в его глазах не было ни тени улыбки: только лёд, холод и зачатки гнева. — Окажись вместо меня Юн Линь, ты был бы вне себя от счастья. Не нужно притворяться, разве вы не развлекались вместе в королевской купальне во дворце?

Тело, которое ещё недавно дрожало в его руках, резко застыло.

— Вы двое с удовольствием развлекались, разве нет? — с издёвкой продолжил Юн Шань, будто раскрыв главную тайну братьев. — Вы ласкали друг друга и целовались, даря друг другу наслаждение.

— Ты... Ты...

— Ты лишь с Юн Линем так развлекался, да? Я родился вместе с ним у одной матери с таким же лицом, так чем же он лучше меня? Почему ты не смотришь на меня? — Последние несколько слов были сказаны почти шёпотом.

Что-то острое неожиданно впилось в тело, заставляя Юн Ци жалобно заскулить и забыть о своих раненых запястьях. Юн Шань медленно вытащил свою руку из-под ткани. На его пальцах адела почти остывшая кровь, которая теперь выступала из ранок, оставшихся на теле Юн Ци. Её яркий цвет не только завораживал, но и заставлял сердце трепетать.

— Юн Ци, я не хочу причинять тебе боль. — Поднеся пальцы к губам, Юн Шань кончиком языка осторожно облизал их, смывая кровь, показавшуюся ему сладкой. — У тебя, должно быть, болят руки? Я сейчас их ослаблю.

И действительно верёвка, что держала его запястья, немного ослабла, однако Юн Ци побоялся двигаться. Перестав извиваться и всячески вырываться, юноша с настороженностью поглядел на брата. И, словно отвечая ему, Юн Шань специально под пристальным взглядом своего брата пробрался под бело-шёлковую ткань его штанов.

Тонкие пальцы с лёгкостью преодолели это препятствие и проскользнули внутрь. Прикосновение холодных пальцев к сокровенному настолько перепугало Юн Ци, что он закричал:

— Нет, не делай этого!

— Что в этом такого плохого? Это простое прикосновение, и оно не причинит тебе вреда.

Почувствовав, как рука бесцеремонно скользит у него под одеждой, Юн Ци ещё больше начал сопротивляться.

— Не надо! Юн Шань, прекрати! Перестань!

Юноша дернулся от очередного касания, и одного этого движения хватило, чтобы тонкие штаны соскользнули с его бёдер. Поток холодного воздуха скользнул под одежду и заструился по обнажённой коже Юн Ци. Сам же юноша не осмелился больше сопротивляться и уже через мгновение внезапно закрыл глаза.

Его густые ресницы, которые он унаследовал от матушки Ли, часто подрагивали, а чувство стыда безжалостно било по нервам.

— Если хочется плакать, можешь не сдерживаться, — донёсся снизу озлобленный голос Юн Шаня.

Красивая аккуратная плоть поместилась у него в руке.

— Цвет действительно свежий, — любясь им, с улыбкой сказал Юн Шань. Его настроение менялось с невообразимой частотой. — Я слышал, что ты в Наньлине женился на принцессе. Сколько раз вы спали? Или ты каждый раз мечтал только о руках Юн Линя?

Но Юн Ци молчал, лишь крепко стиснув зубы. На униженном, но прекрасном лице бывшего наследника престола всё ещё оставалась гордость и достоинство. Он закрыл глаза, пряча свои прекрасные омуты от глядевшего на него брата, отказываясь показывать своё смущение и стыд.

Поглядев на его лицо, Юн Шань рассмеялся.

Юн Ци сильно дрожал от смущения, и его маленькая плоть, которая сейчас была в руках Юн Шаня, тоже подрагивала вместе с телом своего хозяина. А Юн Шань, не скрывая своего интереса, забавлялся с ней, лаская её тонкими пальцами.

— Прекрати...

Беспощадные движения напугали совершенно неопытного Юн Ци. Руки, которые прикасались к нему, хоть и были одинаковыми, но ласки братьев, — Юн Шаня и Юн Линя, — всё же были разными.

От осознания того, что он сейчас под полным контролем у своего ужасного младшего брата, жестокого и немилосердного, сердце Юн Ци сжалось в комочек.

— Юн Шань, отпусти... Умоляю тебя, отпусти...

— Уже молишь о пощаде? — холодно отозвался Юн Шань, совершенно не собираясь прекращать эту пытку.

Его пальцы заскользили ещё усерднее, заставляя маленькую плоть окрепнуть. Это нельзя было контролировать — Юн Шань с невероятным мастерством угадывал, что нужно делать.

— Отпусти! — воскликнул Юн Ци.

Пальцы Юн Шаня обладали необъяснимыми чарами, которые были намного сильнее его, а от слабого удовольствия, что растекалось по телу, становилось неловко.

Его тонкое хрупкое тело изогнулось, приводя верёвки в движение. Из этих силков нельзя было выпутаться, и даже если бы Юн Ци это удалось, перед ним предстал бы охотник, не

желающий упускать добычу.

Пламя свечи тихо содрогалось, озаряя белоснежные бёдра и очаровательную плоть, которая с каждым движением становилась всё твёрже и твёрже. От ощущения собственной беспомощности хотелось выть.

— Умоляю тебя, Юн Шань... Не надо... Прошу...

В конце концов, он был всего лишь шестнадцатилетним подростком, который из-за малого опыта не мог контролировать свои собственные желания. Запутанный в этих верёвках, связанный по рукам и ногам, Юн Ци неожиданно для себя заметил, что его телу нехитрые ласки приходится по вкусу, и в отчаянии залился слезами.

В императорском дворце вся борьба велась тайно. Через шёлк и атлас, через дворцовые стены, через лесть и ложь. Кинжал вонзали не в поединках, а из-за спины. Юн Ци никогда не задумывался о поражении, и его гордость и нежелание бороться привели к печальному финалу: теперь он был лишь постыдной игрушкой, и с ним забавлялся такой же подросток, как Юн Линь, с той же внешностью, с таким же происхождением.

Такой же брат, который тоже был младше его на два часа.

— А-ах! Ах... Хватит... Хватит... — Сдавленные стоны сорвались с прелестных розовых губ.

Жемчужные слёзы скользили по дрожащим ресницам, и Юн Ци не мог ни отодвинуться, ни сменить позу, ни хотя бы прекратить это. Опутывающие его верёвки почти полностью подавили его отчаянное сопротивление, превратив старшего брата в тело для утех, с которым Юн Шань неторопливо развлекался. словно не обращая внимания на сопротивление и мольбы Юн Ци, он твёрдо сжимал в своих руках этот прелестный покрасневший орган, продолжая мучить его. Каждое лёгкое движение пальцев вызывало бурную реакцию Юн Ци, заставляя его тяжёло дышать и выкрикивать мольбы о пощаде, которые в представлении Юн Шаня были лучше любой музыки.

— Не надо, Юн Шань... Не надо...

Юн Шань наслаждался слезами Юн Ци. Смущённые слова и чувство контроля над ним — всё это завораживало и сводило с ума.

На головке окрепшей плоти, изогнутой в красивую дугу, показалось белесое семя. Ничего более постыдного в своей жизни Юн Ци ещё не доводилось испытывать. Какой ужас. Руки его собственного брата делали подобное...

Как только голос Юн Ци стал постепенно затихать, Юн Шань с удвоенной силой заскользил по разгорячённой плоти, словно поклявшись выжать Юн Ци без остатка.

— Не надо! А-а-ах... Не надо!— хрипло вскрикнул Юн Ци.

Странное и жгучее удовольствие охватывало его, напоминая ядовитую змею, впившуюся в его тело. Юн Шань не собирался останавливаться и продолжал, безумными глазами наблюдая за напряжённым телом Юн Ци.

Он получал от этого необыкновенное удовольствие, которое не шло ни в какое сравнение с тем, что ему обычно дарили добрые и красивые девушки из гарема. Одно лишь созерцание заставляло его глотать вязкую слюну. Он наслаждался этим необыкновенным удовольствием,

не отличимым даже от самой прекрасной ночи с самой красивой наложницей. Ощущая страсть, ему приходилось терпеть настоящую боль, которая постоянно раздавалась в теле, и всё ради того, чтобы ещё немного продлить это удовольствие.

Самое чудесное и самое желанное сейчас было перед его глазами. Всё, о чём он так долго мечтал, сбывалось.

Юн Ци с детства был окружён любовью младших братьев, министры хвалили его за доброту, снисходительность и великодушие, а девушки любили его за то, что он являлся первенцем и наследником престола. Конечно, в лицо все ему льстили, но в действительности тайно ненавидели его и завидовали. Юн Ци устраивало его положение во дворце, и он был горд своими успехами.

Теперь же он не будет больше смотреть на Юн Шаня как на пустое место. Человек, что свободной птицей летал высоко в облаках, сейчас был пойман и находился в его руках.

Эти тёмные и мягкие волосы, это тело, что так легко повредить, — теперь оно извивалось от его прикосновений. Сколько раз он мечтал об этом, сколько раз он ненавидел его, когда понимал, что Юн Ци только с виду одинаково любил своих братьев, но в тайне мечтал лишь о ласках Юн Линя.

Когда они вдвоем были под деревом, в беседке, в библиотеке, в императорском саду, в клубах тёплого пара купальни, Юн Шань много раз видел, как эти двое ласкают друг друга. Юн Линь беззастенчиво вдыхал запах его волос, и Юн Ци никак ему не препятствовал. Они заигрывали друг с другом, словно влюблённые, и позволяли себе то, что теперь не желал делать Юн Ци со вторым братом. С Юн Линем он, легко улыбаясь, с удовольствием прикрывал глаза, и, купаясь в ласковых лучах тёплого солнца, что скользили по его красивому лицу, наслаждался ласками другого брата. Не Юн Шаня.

Этого он не забудет никогда. Он равнодушно смотрел на прекрасное лицо, искажённое болью и удовольствием. Слезы, что сверкали под светом свечи, своим блеском сводили с ума и завораживали.

— Остановись... Ах... Юн Шань, остановись... — дрожащим голосом умолял Юн Ци.

Он всё ещё умоляет остановиться? Юн Шань с удивлением ухмыльнулся. Разгорячённая плоть в ладони начала пульсировать, давая понять, что скоро изольётся. Принц нашёл интересным то, что слова Юн Ци расходились с его чувствами и реакцией.

От злости Юн Шань усилил натиск, и, как ожидалось, белоснежные бёдра Юн Ци вновь напряглись.

— Нет... Не надо! — сипло выкрикнул Юн Ци, задыхаясь от слёз.

Связанное тело внезапно дёрнулось. И не важно, хотел он того или нет, — Юн Ци содрогнулся и излился белесой жидкостью прямо в руку Юн Шаня.

— Смотри, как много, — насмешливо прошептал наследник, показывая Юн Ци ладонь, покрытую семенем. — А ты сопротивлялся.

Сконцентрировав свой рассеянный взгляд, Юн Ци поглядел на ладонь Юн Шаня. Увидев доказательство его натуры, он задрожал, будто что-то острое вонзилось в его сердце. Влажные глаза гневно метнулись на улыбающегося Юн Шаня. Лучше бы он убил его.

— Глаза всё ещё красные. — Тёмный взгляд, наполненный гневом, показался Юн Шаню забавным. Старший брат, который раньше относился к нему с равнодушием, сейчас был обнажён и совершенно беспомощен.

Словно в знак своей победы Юн Шань усмехнулся и взглянул на Юн Ци. Одной его дьявольской надменной улыбки хватило, чтобы снова перепугать и без того разбитого принца до смерти. Волосы на затылке встали дыбом.

А Юн Шань глядел на него сверху вниз. За что он полюбил этого человека? Что он нашёл в нём, что все эти годы не давал покоя своему сердцу? Теперь даже самого Юн Шаня эти вопросы поставили в тупик. Говорят, Юн Ци великодушный и добрый, но на самом же деле он беспомощный, слабый, жалкий. Его можно заставить плакать, молить о пощаде и разрушить его мужество, не прилагая особых усилий. В борьбе, что разворачивалась в стенах императорского дворца, он был обречён стать жертвой. Даже если бы он взошёл на трон, то только в качестве красивой марионетки.

Это было именно тем, что больше всего ненавидел Юн Шань — быть под чьим-то контролем. Но он ничего не мог с собой сделать. Он не мог стоять и наблюдать со стороны, не мог не умолять о любви, о внимании своего старшего брата. И если он всего этого не получал, его охватывала настоящая ярость.

Из-за этого беспомощного и слабого юноши, из-за Юн Ци, он даже возненавидел своего родного брата-близнеца.

— Отец-император тебя накажет, — послышался тихий голос Юн Ци, который надеялся на последнюю возможность защититься от своего жестокого брата. Юн Шань, цокая языком, покачал головой, и, плотно прижавшись к его телу, скользнул влажным языком по ушку.

— Отец-император меня накажет? — насмешливо спросил он. — За что он меня накажет? Из-за свергнутого кронпринца? Ты же жил отшельником в Наньлине и, должно быть, ничего не знаешь. — На глазах Юн Ци Юн Шань, медленно коснувшись обнажённой кожи, обтёр ладонь о нежную внутреннюю сторону бедра. — Через три дня, — заговорил он, подчёркивая каждое слово, — отец огласит указ, в котором объявит меня наследником престола.

Тело в его руках неожиданно напряглось, и Юн Шань ещё крепче обнял его. Возможно, он задел ту рану, что осталась от его ногтей, и красивое лицо исказилось от боли, вытеснившей чувство стыда.

— Думал, что станешь наследником престола? — Горячее дыхание обожгло ушко. — Нет, ты станешь женой наследника престола.

А снаружи тихо падал снег.